

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

О КУРСЕ «ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

1

Курс «История языкознания» по самому характеру своего содержания бесспорно относится к циклу общелингвистических дисциплин наряду с курсами «Введение в языкознание» и «Общее языкознание». Поэтому объем и содержание курса «Введение в языкознание», а особенно курса «Общее языкознание» зависят до известной степени от того, имеется ли в учебном плане особая дисциплина, посвященная истории языкознания, или краткие сведения по истории науки учащиеся получают лишь из смежных общелингвистических курсов.

Между тем положение курса «История языкознания» в учебных планах вузовской подготовки языковедов совершенно иное, чем двух других общелингвистических курсов. «Введение в языкознание», как известно, читается на всех филологических факультетах университетов и во всех педвузах, где осуществляется подготовка преподавателей языка и литературы. По этой дисциплине имеется утвержденная программа; есть учебные пособия, изданные уже после лингвистической дискуссии. И хотя, как показал обсуждение курса «Введение в языкознание» на страницах журнала «Вопросы языкознания», существуют значительные расхождения в понимании задач и характера данного курса, а его программа нуждается в ряде уточнений, все же сложилась уже известная научная традиция, обеспечивающая успешное преподавание этого курса в многочисленной сети вузов нашей страны, и никому не придет в голову подвергать сомнению необходимость его чтения.

Несколько сложнее обстоит дело с курсом «Общее языкознание», который является общеобязательной дисциплиной только в учебных планах филологических факультетов университетов и некоторых педвузов¹. Объем курса, его характер во многом остаются неясными; он не обеспечен пособиями. Но все же и по этому курсу имеется утвержденная программа, впрочем, вызывающая ряд справедливых замечаний и упреков.

Наиболее неясным и трудным является, однако, положение с третьим звеном общелингвистического цикла — с историей языкознания. Курс «История языкознания» как самостоятельная дисциплина читается лишь в немногих университетах нашей страны. Объясняется это тем, что ни в какие учебные планы он не включен в качестве обязательного предмета. Постановка специального курса «История языкознания» в том или ином университете зависит от множества конкретных условий и прежде всего, конечно, от того, имеется ли в данном вузе лектор, соглашающийся вести этот курс. Даже в таких вузах, как Московский или Ленинградский университеты, где этот курс за последние десять лет неоднократно читался, он все же не является постоянным звеном общелингвистической подготовки языковедов и ставится скорее на правах спецкурса, который в том или ином году может и отсутствовать.

Таким «необязательным» характером постановки этого курса даже на филологических факультетах университетов обусловлено, повидимому, и отсутствие общепринятой утвержденной программы. К тому же, в отличие, например, от курса «Введение в языкознание», курс «История языкознания» не читался систематически и в дореволюционное время; следовательно, по данному курсу не могла сложиться какая-то традиция, не накопился опыт. Наконец, нет и соответствующего пособия. Вместе с тем и отдельные проблемы истории языкознания почти не разрабатывались в последние десятилетия. Не появились монографические исследования и даже специальные статьи, в которых была бы сделана попытка раскрыть с возможной полнотой сущность таких значительных лингвистических школ, как московская или казанская школы в России, как младограмматическая или социологическая школы за рубежом; нет поэтому и исследований, которые бы достаточно убедительно определили место каждой из этих школ в общем процессе развития языкознания. Даже последние таких крупней-

¹ Например, в планах педагогических институтов иностранных языков с пятилетним обучением.

ших представителей отечественного языкознания, как Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртэнз, у нас почти не изучалось. Неясен вопрос относительно принципов периодизации истории языкознания.

Все это ведет к большому разнообразию в отборе материала при построении курса «История языкознания», к значительной субъективности в характеристике и оценке отдельных явлений из истории науки о языке, о чем, в частности, свидетельствуют и некоторые статьи, напечатанные в порядке обсуждения курса «История языкознания» на страницах журнала «Вопросы языкознания».

Отсутствие утвержденной программы вызвало особенное внимание к перечню тем, подлежащих включению в данный курс. Ряд статей сводился по преимуществу к примерному наброску возможной программы курса «История языкознания»¹. Это при настоящем состоянии разработки данного курса было вполне естественно и даже полезно, но уводило в некоторой степени от обсуждения других важных вопросов, как, например, вопроса о месте курса в общей системе вузовской подготовки в различных учебных заведениях с различными учебными планами (филологические факультеты университетов, факультеты языка и литературы педвузов, педвузы иностранных языков), о его соотношении с курсом «Общее языкознание», программа которого включает исторический очерк. С другой стороны, примерные перечни тем, содержащиеся в ряде статей, не давали представления о соотношении различных разделов внутри самого курса «История языкознания», об объеме материала, даваемого по отдельным темам, характере трактовки отдельных тем и т. д. Предельная сжатость некоторых статей не позволила их авторам раскрыть полнее свое понимание содержания и направления курса, принципов отбора материала и т. п.

2

В связи с обрисованным выше неопределенным положением курса «История языкознания» в системе других лингвистических курсов прежде всего возникает вопрос, насколько необходимо выделение данной дисциплины, ее включение в учебный план в качестве обязательного предмета. Вопрос этот, очевидно, может решаться неодинаково для различных учебных заведений (филологические факультеты университетов, факультеты литературы и языка педвузов, институты иностранных языков и т. д.), причем в тех учебных заведениях, где читается «Общее языкознание», его решение связано с уточнением соотношения между обоими курсами.

Казалось бы странным, что в то время как курсы по истории математики или химии давно являются обязательными предметами в учебных планах соответствующих факультетов университетов, нам, языковедам, приходится еще обсуждать вопрос о том, следует ли курс «История языкознания» включить в учебный план хотя бы филологических факультетов университетов.

Повидимому, в этом ненормальном положении в значительной степени повинны сами лингвисты, несмотря на то, что преобладающее большинство языковедов, работников филологических факультетов, считают подобный курс совершенно необходимым. Показательно, что из статей, напечатанных в журнале, только в статье Т. А. Деттеревой и Н. А. Слюсаревой мы находим возражение против того, чтобы выделить специально курс «История языкознания», к тому же речь идет об учебных планах институтов иностранных языков, а не филологических факультетов². Однако никаких серьезных начинаний, обеспечивающих разработку курса, до сих пор нет.

Необходимость постановки специального курса «История языкознания» диктуется рядом соображений, которые особенно подробно излагались в статьях В. Н. Ярцевой, Э. А. Макаева и А. В. Десницкой. На некоторых из этих соображений следует остановиться. Очевидно, что не может быть образованного специалиста в любой области без знания развития изучаемой им науки. Отдельные сведения разрозненного характера по истории того или иного вопроса наши студенты получают в теоретических курсах по своей узкой специальности. Так, специалисты по русскому языку в курсе «Современный русский язык», конечно, услышат о понимании безличных предложений А. А. Шахматовым или о понимании залога Ф. Ф. Фортунатовым; специалисты по немецкому языку из курса «История немецкого языка» или «Введение в германскую филологию» узнают, что Р. Раск, а затем Я. Гримм сформулировали закономерности первого передвижения согласных, что впервые термины «сильные» и «слабые» глаголы были употреблены тем же Я. Гриммом. И в других курсах по своей узкой специальности студенты будут встречать имена крупнейших языковедов прошлого и настоящего, однако каждый раз в связи с каким-то, хотя и очень существенным, но о т д е л ь н ы м вопросом. Разъяснить значение работ этих языковедов в общем посту-

¹ См., например, статьи А. М. Финкеля, Г. С. Ахвледиани, Т. А. Деттеревой и Н. А. Слюсаревой, отчасти А. В. Десницкой.

² Нам представляется, что и при такой оговорке точка зрения авторов этой статьи спорна (см. дальше).

пательном движении лингвистической науки ни один из конкретных специальных курсов не может и не должен. Не может и не должен такой курс давать характеристики общелингвистической концепции тех же языковедов, а ознакомление с этими характеристиками позволяет лучше и глубже понять и те частные положения, которые излагаются в конкретных курсах по какой-либо специальности.

Глубокое и всестороннее понимание развития науки о языке и роли отдельных языковедов в этом развитии может дать только курс «История языкознания». Это определяет его первостепенное значение для овладения богатейшим мировым наследием в данной конкретной области языкознания.

Следует отметить, что в различных спецкурсах по лексикологии, фонетике, диалектологии конкретных языков нередко говорится о неправильной трактовке тех или иных вопросов представителями различных современных лингвистических направлений: например, о непонимании природы слова в его отграничении от словосочетания у представителей американской дескриптивной лингвистики, об искажении сущности значения слова у неогумбольдтианцев, об ошибочном понимании диалекта и даже принципов картографирования у Жильерона и т. д. Однако лекторы, читающие эти спецкурсы, не имеют возможности остановиться подробнее на системе взглядов, характеризующей данное направление; у слушателей нередко создается лишь впечатление, что те или иные взгляды ошибочны, но в чем сущность и философские корни этих ошибок — остается неясным, так как освещение связанных с этим вопросов выходит за рамки программы конкретного спецкурса. Только курс «История языкознания» может восполнить этот пробел, так как именно в этом курсе излагаются основные определяющие положения важнейших лингвистических направлений и школ, раскрываются социальная обусловленность этих направлений и прежде всего их зависимость от современных для них философских идей.

Вуз должен научить студента разбираться в различных точках зрения по основным проблемам науки о языке, он должен воспитать у студента умение с позиций марксистской методологии отличать прогрессивное от реакционного, ошибочного, поворачивающего науку о языке вспять. В осуществлении этой задачи курс «История языкознания» должен занять подобающее место, так как именно в нем учащийся может получить образцы анализа наиболее значительных языковедческих концепций в свете ведущих положений марксистской науки о языке.

Таким образом, курс «История языкознания» отнюдь не сводится только к изложению фактического материала, связанного с изучением наиболее значительных явлений в истории разработки основных положений лингвистической науки. Его задача — ознакомить студента с самими закономерностями развития лингвистической науки. Курс должен показать, как постепенно выработывались современные представления о сущности языка, о его структуре и о закономерностях его развития, как появились и развивались современные методы лингвистического исследования, как в этом процессе преодолевалось отжившее, устаревшее, как сталкивались прогрессивные взгляды с реакционными направлениями. При изложении основных положений марксистского языкознания в курсе должно быть обращено особое внимание на то, что марксистское языкознание включает в себя все лучшее и наиболее ценное из наследия мировой науки о языке.

Все эти соображения говорят в пользу включения данного курса в учебный план всех вузов, осуществляющих подготовку преподавателей языка. Однако отсутствие общепринятой программы, необходимых пособий и специальных монографических исследований, неразработанность многих разделов курса затрудняет это. Нам представляется более целесообразным включить курс «История языкознания» сначала только в учебные планы филологических факультетов университетов, а также педагогических институтов иностранных языков с пятилетним планом обучения¹. А так как именно в этих вузах читается на пятом году обучения курс «Общее языкознание», то необходимо подробнее остановиться на соотношении этих двух курсов.

3

Существует мнение, что курс «Общее языкознание» даст достаточно сведений по истории нашей науки, и там, где он читается, нет нужды вводить отдельный курс «История языкознания». Такова, повидимому, точка зрения автора программы курса «Общее языкознание» проф. А. С. Чикобава, такова же — в применении к педагогическим институтам иностранных языков — мнение Т. А. Дегтеревой и Н. А. Слюсаревой.

В этой связи приходится обратиться к программе курса «Общее языкознание». Известно, что эта программа содержит своеобразный очерк истории языкознания XIX—XX вв., который служит как бы введенным к основной части курса. Кроме то-

¹ Сначала можно было бы ограничиться несколькими вузами в крупнейших городах СССР, например, в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, где имеются специалисты, читавшие этот курс.

го, отдельные исторические сведения сообщаются в связи с изложением тех или иных проблем; естественно, что при этом многое повторяется. Не касаясь всей структуры программы, которая мне представляется не вполне удачной¹, следует сказать, что по своему объему, отбору материала указанный очерк не может заменить специального курса «История языкознания», даже если в этот очерк внести известные редакционные исправления. Основным недостатком его заключается в том, что он не может дать представления о важнейших этапах развития языкознания.

Характерно, что многие сведения по истории науки попадают, согласно этой программе, не во вводный очерк, а в другие разделы. Так, например, во вводном очерке почти совершенно не освещено развитие сравнительно-исторического метода от Боппа и Востокова к Шлейхеру, младограмматикам, Мейе и т. д. В какой-то степени это делается в разделе «Специальные методы языкознания». Взгляды таких крупных русских языковедов, как Потебня и Шахматов, характеризуются не в предварительном очерке, а только во втором разделе в связи с рассмотрением отдельных конкретных вопросов. Некоторые важные темы отсутствуют в программе совершенно: нет анализа основных положений московской и казанской школ, ничего не говорится, например, об изучении диалектов в XIX—XX вв., о развитии методов современной диалектологии у нас и за рубежом, сильно повлиявших на понимание закономерностей исторического развития языка. Кроме того, согласно учебным планам, на весь курс «Общее языкознание» отводится 36 часов, причем основная часть времени приходится на изложение системы положений марксистского языкознания, поскольку это занимает центральную часть программы. В таких условиях историческое введение никак не может дать необходимых знаний по истории лингвистической науки.

Та перестройка программы курса «Общее языкознание», которую предлагают Т. А. Дегтерева и Н. А. Слюсарева, несомненно, вносит известные улучшения в организацию материала, устанавливая в нем большую последовательность, но тем вместе курс распадается на две органически мало связанные части: 1) история языкознания XIX—XX вв. и 2) некоторые теоретические вопросы языкознания. Внутренней логической связи между этими разделами нет. Количество часов (48, по варианту авторов) предполагается разделить поровну между обоими разделами. Возникает сомнение в целесообразности объединения этих двух разделов в одном курсе.

Постановка специального курса «История языкознания» и его включение в учебные планы потребует, очевидно, перестройки курса «Общее языкознание» не только с точки зрения сокращения его объема и изъятия того вводного исторического очерка, о котором писалось выше, но и пересмотра задач и проблематики этого курса. Не следует вместе с тем упускать из вида, что курс «История языкознания» включает обобщающий анализ системы положений марксистского языкознания как высшего этапа в развитии науки о языке. Все это не может не отразиться на содержании курса «Общее языкознание». Составление программы по курсу «История языкознания» нужно осуществлять поэтому в тесной связи с пересмотром программы «Общее языкознание». В учебных планах курс «История языкознания» должен предшествовать курсу «Общее языкознание», как это отмечают в своих статьях Г. С. Ахвледиани и В. Н. Ярцева².

4

Первоочередная задача в отношении курса «История языкознания» в настоящее время — создание единой программы. Конечно, эта задача не может явиться темой статьи. Программа может быть создана лишь в результате совместной работы целого коллектива языковедов. Однако уже сейчас следует предварительно наметить некоторые общие принципы и положения, которые необходимо принять во внимание при составлении данной программы.

Следует признать наиболее удачным такое построение курса «История языкознания», при котором прослеживается история различных лингвистических школ и направлений. Нельзя забывать, что обычно мы имеем дело с целостной, хотя нередко и противоречивой системой взглядов, а построение курса по проблемам не дает возможности полно и всесторонне охарактеризовать не только школы и направления, но и концепции отдельных языковедов. Так, например, понимание младограмматиками фонетических и грамматических изменений зависело от всей совокупности их взглядов на сущность языка и законы его развития, а разработка методов экспериментальной фонетики была связана с вниманием к живым языкам и с выделением индивида как носителя и творца языка. Методы лингвистического анализа, приме-

¹ Так, например, пункты, посвященные вопросам грамматического строя (п. п. 26, 27, 28, 29, 30), включающие и вопросы истории грамматической мысли, почему-то попали в раздел, озаглавленный «Специальные методы языкознания».

² Предложение включить курс «История языкознания» в учебные планы филологических факультетов отнюдь не означает ликвидации спецсеминаров и спецкурсов по отдельным проблемам истории языкознания.

няемые современными структуралистами, находятся в тесной связи с их пониманием сущности языка и задач лингвистической науки.

Построение курса по проблемам вызвало бы неизбежно изолированное рассмотрение отдельных вопросов, вне всей системы теоретических положений того или иного направления. Историческое изучение, например, различных методов лингвистического исследования, вне анализа воззрений создателей этих методов на сущность языка, на законы развития языка, на задачи лингвистических исследований и т. д., окажется крайне односторонним. То же самое наблюдается и тогда, когда отдельно рассматривается развитие взглядов на отношение языка и мышления, или на связь языка и общества. Только привлечение материалов, относящихся к освещению других общих проблем языкознания, помогает правильно понять взгляды данного языковеда на выделяемую проблему.

При построении курса по лингвистическим направлениям возможна не только наиболее полная и всесторонняя характеристика всей концепции данного лингвистического направления, но и действительное раскрытие связей его с современными для данного направления философскими теориями, что представляется очень существенным. Так, например, только анализ системы положений современного структурализма о сущности языка, его структуре, содержании и принципах лингвистического исследования позволяет понять связи этого направления с современными идеалистическими течениями в философии, с неопозитивизмом и семантической философией Р. Карнапа, Б. Рассела и других.

При этом, однако, нельзя историю языкознания подменять историей философских течений или историей взглядов в области сопредельных наук. Известно, что в XIX и XX вв. некоторые психологи и философы использовали язык в своих философских построениях. Отдельные философы и психологи специально занимались вопросами языка: достаточно вспомнить работы В. Вундта и Э. Кассирера¹. Несомненно, эти философы оказывали влияние на тех или иных языковедов или на языковедческие школы, и об этом нужно сказать при анализе соответствующих лингвистических направлений. Но даже концепция Вундта или Кассирера не должна являться специальной темой в общем курсе «История языкознания»; тем более англо-американская семантическая философия находится за пределами собственно лингвистики, хотя и оперирует лингвистическими понятиями, и не может быть включена в историю языкознания². Конечно, отражение идей этой реакционной философии мы видим не только в копенгагенском структурализме, в позднейших работах Л. Блумфилда и его школы, в так называемой дескриптивной лингвистике, но и в далекой от них, казалось бы, американской этнолингвистике. Показать это влияние при анализе системы взглядов названных выше лингвистических направлений, используя имеющиеся философские работы, — непосредственная задача курса «История языкознания».

Однако известная близость философских основ двух разных лингвистических направлений отнюдь не означает какого бы то ни было их даже простого номенклатурного объединения и, например, название раздела «неопозитивизм и семантизм» для объединения копенгагенского структурализма, лингвистического «механицизма» Блумфилда, дескриптивной лингвистики (иначе — американского структурализма) и американской этнолингвистики оказалось бы не более удачным, чем объединение Штейнтала, Потебни, немецких младограмматиков и московской школы под наименованием «индивидуалистический психологизм»³.

5

Курс «История языкознания» охватывает многовековой период истории мирового языкознания. Поэтому вопрос о соотношении материала, связанного с разными эпохами, а также и вопрос о принципах периодизации всей истории лингвистической науки является весьма существенным при определении содержания программы по курсу «История языкознания».

Как справедливо отмечалось в некоторых статьях³, этот курс не может ограничиваться освещением развития науки о языке только в Европе и Индии (что сделано, например, в очерке истории языкознания Томсена). Следует также охарактеризовать вклад в науку о языке, сделанный арабскими и китайскими учеными. Это не значит, конечно, что курс «История языкознания» должен включать материалы курсов истории частных филологий. Речь идет о включении таких материалов, которые относятся к развитию общих принципов и положений лингвистической науки. В составлении программы курса «История языкознания» требуется участие представителей разных специальностей.

¹ В. Вундту посвящена специальная тема в наброске программы, предложенном А. М. Финкелем; англо-американский семантизм (?) включен в перечень тем Т. А. Дегтерева и Н. А. Слюсаревой.

² См. статью Т. А. Дегтерева и Н. А. Слюсаревой.

³ См. статьи В. Н. Ярцевой, А. В. Десницкой, особенно план курса, содержащийся в статье Г. С. Ахведиани.

Расширение тематики курса вызывает необходимость установить очень ясные и четкие критерии отбора материала внутри каждой темы и определить соотношение материала различных частей курса.

При чтении этого курса имеется тенденция весьма подробно излагать темы, относящиеся к ранним разделам истории языкознания (языкознание в Греции, в Индии, в Риме), в ущерб полному освещению более поздних периодов. Частично эта тенденция отразилась даже в статье А. В. Десницкой, посвященной построению курса «История языкознания». Между тем, как бы мы высоко ни ставили, например, труды греческих филологов и философов, следует иметь в виду, что эти труды созданы в период, предшествующий выделению языкознания в особую науку. До начала XVIII в. вопросы языка изучаются либо в связи с вопросами философии, либо в чисто практических филологических целях. Только в XIX в. складывается новая отрасль знания — лингвистика, обособившаяся прежде всего от философии и ставящая перед собой не только узко филологические задачи. А. В. Десницкая и В. Н. Ярцева возражают против деления языкознания на «донаучный» и «научный» периоды. Полемика против подобной периодизации занимает весьма значительное место в статье А. В. Десницкой. Бесспорно, термины «донаучное языкознание» и «научное языкознание» мало удачны, но по сути дела А. В. Десницкая приходит к той же периодизации, которая скрывается за этими терминами. Она намечает следующие, по ее выражению, «поворотные» пункты в истории лингвистической науки: 1) античное языкознание, 2) языкознание начала XIX в., связанное с развитием сравнительно-исторического языкознания, 3) марксистское языкознание. Первый и второй «поворотные пункты» абсолютно совпадают с тем, что обычно обозначают мало удачными терминами «донаучное» и «научное» языкознание. И это, конечно, не случайно. Период от античной традиции и вплоть до конца XVIII в. — это предистория языкознания как особой науки, имеющей свой объект изучения, свои задачи и свои методы. Но это — предистория, без которой и вне которой не могла бы сложиться наука о языке.

Высказанные соображения обуславливают соотношение отводимых на курс часов. Анализ лингвистических направлений XIX—XX вв. должно быть отведено максимальное количество времени. Большинство авторов, принявших участие в обсуждении курса «История языкознания», отмечали, что 36 часов, уделяемых обычно на чтение этого курса, явно недостаточно. Курс «История языкознания» должен читаться в течение двух семестров IV курса, что составит около 60 часов (возможны колебания в зависимости от учебного плана отдельных университетов). Из этих 60 часов на изложение истории языкознания до конца XVIII в. следует отвести 12—14 часов. Подобное распределение часов диктуется также тем, что материал первого раздела значительно проще; по некоторым темам этого раздела имеются доступные источники. Наибольшую же сложность представляет характеристика лингвистических направлений XIX—XX вв.; вместе с тем для будущего языковеда особенно важно уметь разбираться в новейшей лингвистической литературе.

6

Общие задачи и направление курса «История языкознания», особенно ясно сформулированные в статье В. Н. Ярцевой, определяют отбор материала внутри каждой темы. Здесь существенно иметь в виду три момента.

Вузовский курс «История языкознания» не может осветить одинаково подробно все направления лингвистической мысли даже XIX и XX вв. и охарактеризовать работы всех сколько-нибудь значительных языковедов. Отбор должен определяться не только значительностью школы или языковеда в рассматриваемую историческую эпоху, но и ролью их во всем поступательном ходе развития науки о языке. Так, например, вряд ли целесообразно останавливаться на анализе работ М. Мюллера — электика по своим лингвистическим положениям, не сыгравшего большой роли в последующем развитии языкознания, но необходимо рассмотреть систему взглядов В. Гумбольдта, прежде всего потому, что высказанные им положения оказали значительное влияние на языковедов и в некоторой степени воскрешаются в настоящее время в работах неогумбольдтланцев различного толка. Из раздела, посвященного современным направлениям, особенно подробно должны быть изложены темы о копенгагенском структурализме и о частично смыкающейся с ним американской дескриптивной лингвистике, исторически связанной с лингвистическим механицизмом Л. Блумфилда.

Для правильного освещения того или иного направления очень существен выбор «персоналий», т. е. тех языковедов, которые рассматриваются как представители данного направления. На это справедливо обращают особое внимание в своей статье Т. А. Дегтерева и Н. А. Слюсарева. Неудачный или случайный выбор ведет к искажению перспектив. Примером такого неудачного выбора может служить перечень имен, данный А. М. Финкелем в параграфе «Судьба потемниаства в русском языкознании»: наряду с Д. Н. Овсяннико-Куликовским, собственно говоря, наиболее

крупным и интересным последователем А. А. Потебни, стоят имена В. И. Харщикова и А. В. Весухова — ученых, не сыгравших никакой роли в развитии языкознания.

Наконец, важен также отбор самих вопросов, включаемых в характеристику того или иного направления. В ряде напечатанных статей подчеркивалось, что нецелесообразно включать в курс «История языкознания» вопросы, относящиеся к развитию частных филологий. К этому нужно добавить, что не следует уделять слишком большого внимания и таким явлениям, которые связаны по преимуществу с одним разделом языкознания: лексикологией, грамматикой, фонетикой и т. д. Так, например, теория семантического поля Трера, несомненно, интересная для постановки теоретических вопросов лексикологии, вряд ли может быть включена в данный курс как специальная тема; однако выделение лексикологии как особой области языкознания, так же, как и выделение экспериментальной фонетики и фонологии, должны быть отражены в курсе «История языкознания»; необходимо также показать роль фонологии в развитии не только пражского и копенгагенского структурализма, но и американской дескриптивной лингвистики.

Некоторые участники обсуждения пытались выделить вопросы, которые подлежат освещению при анализе различных направлений и школ. В качестве таких вопросов выдвигались: определение сущности языка, понимание его структуры, определение законов развития языка, соотношение языка и мышления, языка и общества, наконец, методы лингвистического анализа. Действительно, указанные проблемы являются фактически центральными проблемами общего языкознания. Поэтому курс «История языкознания», сосредоточивающий внимание на изложении развития общих положений лингвистической науки, казалось, должен был бы ограничиться освещением только этих вопросов. Однако легко показать, что, помимо них, при характеристике любого конкретного направления выдвигаются и другие, весьма существенные именно для данного направления вопросы. Например, характеристика так называемой младограмматической школы и ее места в истории науки будет, конечно, не только неполной, но и искаженной, если в ней не отметить: во-первых, выдвижение на первый план изучения живых языков и диалектов, а в связи с этим появление и развитие новой отрасли знания — экспериментальной фонетики; во-вторых, новые принципы, внесенные младограмматиками в сравнительно-исторический метод в результате изучения фонетических закономерностей (положение о непреложности фонетических законов и о роли аналогии в развитии языков). Таким образом, существенным критерием при отборе необходимого материала для характеристики конкретных лингвистических направлений или системы взглядов отдельных языковедов является выдвижение на первый план того нового, что дало направление в целом или отдельный языковед для общего понимания основных проблем языкознания. Это новое может содержать и прогрессивные и реакционные положения. Выявление соотношения прогрессивного, положительного, и неверного, ошибочного, в свете марксистского понимания языка, его структуры и закономерностей его развития поможет оценить значение рассматриваемого явления в истории языкознания.

В курс «История языкознания» входит как заключительная часть обобщение основных принципов марксистского языкознания. Однако и на протяжении всего курса при анализе различных направлений и школ, особенно детально при рассмотрении материала из истории языкознания XIX и XX вв., оценка отдельных явлений основывается, естественно, на знании принципов марксистского языкознания. Эти знания студент получил в курсе «Введение в языкознание», а также в различных курсах по соответствующей специальности.

В курсе «История языкознания» материал, характеризующий то или иное направление, не только излагается, но и интерпретируется, причем раскрытие неполноты, ошибочности, а в определенных случаях реакционности тех или иных принципов и положений всегда сопровождается противопоставлением этим неверным идеям положений передовой марксистской науки. Очевидно, что критическое рассмотрение фактов из истории нашей науки означает не высокомерное отрицание всего сделанного в прошлом, а правильную оценку теоретической роли тех или иных течений, строгое отграничение всего прогрессивного от реакционного, а это возможно только на базе марксистского языкознания, которое является наследником всего наиболее прогрессивного в истории науки о языке.

Включение курса «История языкознания» в учебные планы филологических факультетов поставит с особой остротой перед советскими языковедами вопрос о подготовке печатных материалов по отдельным разделам этого курса, отдельных статей, монографий и, наконец, обобщающего пособия. Положение данного курса с точки зрения обеспеченности материалами крайне неблагоприятно. «История языкознания до конца XIX века» В. Томсена не дает ничего по языкознанию XX в. и, кроме того, по преимуществу ограничивается рассмотрением истории разработки вопросов сравнительной грамматики индоевропейских языков. Дополнительный очерк, составленный

Р. О. Шор и напечатанный в виде приложения к русскому переводу этой книги, мало удовлетворителен. Некоторую помощь может оказать выходящий в скором времени в переводе на русский язык краткий очерк современного языкознания Пизани. Создание нового пособия по всему курсу «История языкознания» возможно лишь как результат большой коллективной работы целой группы языковедов. Возможно, что Институт языкознания АН СССР должен был бы взять на себя инициативу в создании такого коллектива и поставить вопрос о включении такой темы в координационные планы институтов языков некоторых республиканских академий (УССР, Груз. ССР и др.). Можно было бы привлечь к этой работе и некоторых преподавателей вузов.

Первым этапом работы должно было бы быть создание печатного проспекта, который мог бы подвергнуться всестороннему обсуждению. Очевидно, что работа над созданием подобного пособия потребовала бы нескольких лет. Тем нужнее опубликование более скромных работ, статей, брошюр, касающихся деятельности отдельных языковедов и целых направлений. Статьи акад. В. В. Виноградова об акад. Л. В. Щербе, Л. В. Щербы о Бодуэне де Куртене, С. И. Бернштейна об А. А. Шахматове дают известный материал для соответствующих тем курса «История языкознания», хотя и написаны для других целей. Можно назвать недавно изданную МГУ брошюру Р. А. Будагова о Ф. де Соссюре и ряд статей, напечатанных в журнале «Вопросы языкознания» и других периодических изданиях. Но все это крайне недостаточно.

Нужно, чтобы журнал «Вопросы языкознания» систематически печатал материалы по истории языкознания, чтобы эта тематика заняла соответствующее место в данном журнале. Следует обратить внимание Учпедгиза на необходимость печатания небольших брошюр (2—3 печ. листа), посвященных анализу взглядов, в первую очередь, отечественных, а также крупнейших зарубежных языковедов. Было бы желательно, чтобы в серию популярных изданий, планируемых Академией наук СССР, были включены брошюры, посвященные отдельным темам языкознания XIX и XX вв.

Во всех наших вузах пишутся десятки диссертаций на лингвистическую тематику. Но монографии, посвященные анализу системы взглядов отдельных языковедов и целых направлений, почти отсутствуют в списках тем кандидатских и докторских диссертаций. Однако нет нужды доказывать полезность подобных работ, отдельные разделы которых, несомненно, были бы напечатаны. Темы по истории отечественного и зарубежного языкознания могли бы быть включены и в планы научно-исследовательских работ вузов. Все названные мероприятия должны иметь одну цель: создание разнообразной научной и популярной литературы по вопросам истории языкознания, обеспечивающей проведение этого курса во всех вузах, где ведется подготовка специалистов по языку.

М. М. Гужман

КУРС «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК» И ЕГО ПРОГРАММА¹

Ни одна дисциплина из русского языковедческого цикла не осуществляет в такой степени связь науки с жизнью, как курс «Современный русский язык».

Какова бы ни была дальнейшая практическая и общественная деятельность студента-русиста, она в той или иной мере связана с современным русским языком. Специалист-филолог постоянно сталкивается с разнообразными вопросами современного литературного языка, с вопросами его словарной, грамматической, орфоэпической нормы. Такие вопросы требуют не только практического решения, но и теоретического обоснования. Учитель русского языка и литературы, чтобы хорошо преподавать свой предмет, чтобы успешно работать над культурой речи учащихся, чтобы уметь самостоятельно оценивать язык и стиль произведений художественной литературы, должен свободно ориентироваться в обширном языковом материале.

Постигнутый учащимися в известной системе в школе, русский язык, будучи родным или вторым родным языком, представляет собою выгодный материал для перехода от собственно учебных к научным занятиям. Дореволюционная высшая школа считала необходимым разрушить у студентов те неправильные языковые представления, какие давались тогда учащимся в средней школе, заменить их новыми, соответствующими научному уровню. В настоящее время такого разрыва, такого противоречия между средней и высшей школой нет, и тем явственнее выступают особенности курса «Современный русский язык» как в отношении объема материала, так и в отношении метода его изложения.

¹ Статья обсуждалась на заседании кафедры русского языка ЛГУ. Автор благодарит участников обсуждения и Е. С. Истрину за ценные указания.